

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Живой товар. Антон Павлович Чехов

Посвящается Ф. Ф. Попудогло

I

Грохольский обнял Лизу, перецеловал все ее пальчики с огрызенными розовыми ногтями и посадил ее на обитую дешевым бархатом кушетку. Лиза положила ногу на ногу, заложила руки под голову и легла.

Грохольский сел рядом на стул и нагнулся к ней. Он весь обратился в зрение.

Какой хорошенькой казалась она ему, освещенная лучами заходящего солнца!

Заходящее солнце, золотое, подернутое слегка пурпуром, всё целиком было видно в окно.

Всю гостиную и, в том числе, Лизу оно осветило ярким, не режущим глаза, светом и положило на короткое время позолоту...

Грохольский залюбовался. Лиза не бог весть какая красавица. Правда, ее маленькое кошачье личико, с карими глазами и с вздернутым носиком, свежо и даже пикантно, ее жидкие волосы черны, как сажа, и кудрявы, маленькое тело грациозно, подвижно и правильно, как тело электрического угря, но в общем... Впрочем, в сторону мой вкус. Грохольский, избалованный женщинами, любивший и разлюбивший на своем веку сотни раз, видел в ней красавицу. Он любил ее, а слепая любовь везде находит идеальную красоту.

– Послушай, – начал он, глядя ей прямо в глаза. – Я пришел потолковать с тобой, моя прелесть. Любовь не терпит ничего неопределенного, бесформенного... Неопределенные отношения, знаешь ли... Я вчера говорил тебе, Лиза... Мы постараемся сегодня покончить поднятый вчера вопрос. Ну, давай решать сообща... Что делать?

Лиза зевнула и, сильно морщась, потащила из-под головы правую руку.

– Что делать? – повторила она за Грохольским чуть слышно.

– Ну да, что делать? Решай вот, мудрая головка... Я люблю тебя, а любящий человек не поделывчив. Он более чем эгоист. Я не в силах делиться с твоим мужем. И мысленно рву его на клочки, когда думаю, что и он любит тебя. Во-вторых, ты любишь меня... Для любви необходимым условием является полная свобода... А ты разве свободна? Тебя разве не терзает мысль, что над твоей душой вечно торчит этот человек? Человек, которого ты не любишь, быть может, что очень естественно, ненавидишь... Это во-вторых... В-третьих же... Что же в-третьих? А вот что... Мы обманываем его, а это... нечестно. Прежде всего, Лиза, правда. Прочь ложь!

– Ну, так что же делать?

– Ты можешь догадаться... Я нахожу нужным, обязательным объявить ему о нашей связи и оставить его, зажить на свободе. То и другое нужно сделать по возможности скорей... Например, хоть сегодня вечером ты... объяснишься с ним... Пора покончить... Разве тебе не надоело воровски любить?

– Объясниться? С Ваней?

– Ну да!

– Это невозможно! И вчера я говорила тебе, Мишель, что это невозможно!

– Почему же?

– Он обидится, раскричится, наделает разных неприятностей... Разве ты не знаешь, какой он? Боже сохрани! Не нужно объясняться! Выдумал еще!

Грохольский провел рукой по лбу и вздохнул.

живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

– Да, – сказал он. – Он больше чем обидится... Я ведь отнимаю у него счастье. Он любит тебя?

– Любит. Очень.

– Вот еще комиссия! Не знаешь, с какого конца начать. Скрывать от него – подло, объясниться с ним – значит убить его... Черт знает что! Ну, как быть?

Грохольский задумался. Его бледное лицо нахмурилось.

– Будем всегда так, как теперь, – сказала Лиза. – Пусть сам узнает, если хочет.

– Но ведь это... это и грешно и... Наконец, ты моя, и никто не имеет права думать, что ты принадлежишь не мне, а другому! Ты моя! Никому не уступлю! Мне жаль его, видит бог, как жаль, Лиза! Когда я вижу его, мне больно делается! Но... но что ж делать, наконец? Ведь ты его не любишь? Чего же ради ты будешь с ним маяться? Объясниться надо! Объяснимся с ним и поедем ко мне. Ты моя жена, а не его. Пусть как знает. Как-нибудь перетерпит свое горе... Не он первый, не он и последний... Хочешь бежать? А? Говори скорей! Хочешь бежать?

Лиза поднялась и вопросительными глазами поглядела на Грохольского.

– Бежать?

– Ну да... В именье ко мне... В Крым потом... Объяснимся с ним письменно... Ночью можно. Поезд в половину второго. А? Хорошо?

Лиза почесала лениво переносье и задумалась.

– Хорошо, – сказала она и... заплакала.

На ее щечках заиграли красные пятнышки, глазки надулись, и по кошачьему личику потекли слезы...

– О чем ты? – встревожился Грохольский. – Лиза! Чего ты? Ну? Чего плачешь? Эка ведь! Ну чего? Голубчик! Мамочка!

Лиза протянула к Грохольскому руки и повисла на его шее. Послышались всхлипывания.

– Мне жаль его... – забормотала Лиза. – Ах, как мне его жаль!

– Кого?

– Ва... Ваню...

– А мне не жаль? Но что же делать? Мы причиним ему страдания... Он будет страдать, проклинать... Но чем же мы виноваты, что мы любим друг друга?

Сказавши это, Грохольский отскочил от Лизы, как ужаленный, и сел в кресло. Лиза спорхнула с его шеи и быстро, в мгновение ока, опустилась на кушетку.

Оба они страшно покраснели, опустили глаза и закашляли.

В гостиную вошел высокий широкоплечий малый, лет тридцати, в чиновничьем вицмундире. Он вошел незаметно. Только стук стула, за который он зацепился у двери, дал знать любовникам о его приходе и заставил их оглянуться. Это был муж.

Оглянулись они поздно. Он видел, как Грохольский держал за талию Лизу, и видел, как Лиза висела на белой, аристократической шее Грохольского.

«Он видел!» – подумали в одно и то же время Лиза и Грохольский, стараясь спрятать подальше свои отяжелевшие руки и сконфуженные глаза...

Розовое лицо остолбеневшего мужа побелело.

Мучительное, странное, душу возмущающее молчание длилось три минуты. О, эти три минуты! Их и до сих пор вспоминает Грохольский.

Первый задвинулся и прервал молчание муж. Он зашагал к Грохольскому и, строя на своем лице бессмысленную гримасу, похожую на улыбку, подал ему руку. Грохольский слегка пожал мягкую, потную руку и весь вздрогнул, точно раздавил в кулаке холодную лягушку.

– Здравствуйте, – пробормотал он.

– Здоровы-с? – чуть слышно прохрипел муж и сел против Грохольского, поправляя у себя сзади воротник...

Опять наступило томительное молчание... Но это молчание уже было не так глупо... Первый приступ, самый тяжелый и бесхарактерный, прошел.

Оставалось теперь только кому-нибудь из двух ретироваться за спичками или за другим каким-нибудь пустяком. Обоим сильно хотелось уйти. Они сидели и, не глядя друг на друга, подергивая себя за бородки, искали в своих взбудораженных мозгах выхода из ужасно неловкого положения. Оба были потны. Оба невыносимо страдали, и обоим пожирала ненависть. Хотелось вцепиться, но... как начать и кому первому начинать? Хоть бы она вышла!

– Я вас вчера в собрании видел, – пробормотал Бугров (так звали мужа).

– Я был там... был... Танцевали?

– Гм... да. С той... с Люкоцкой младшей... Тяжело пляшет... Невозможно пляшет. Болтать мастерица. (Пауза.) Болтает неутомимо.

– Да... скучно было. И я вас видел...

Грохольский нечаянно взглянул на Бугрова... Его глаза встретились с блуждающим взглядом обманутого мужа, и он не вынес. Он быстро встал, быстро поймал руку Бугрова, пожал ее, схватил шляпу и пошел к двери, чувствуя за собой свою спину. Ему казалось, что на его спину смотрит тысяча глаз. То же чувствует освищенный актер, удаляясь с авансцены, то же самое чувствует и фат, которому дали подзатыльник и выводят с полицией...

Как только затихли шаги Грохольского и скрипнула дверь в передней, Бугров вскочил и, сделав по гостиной несколько кругов, зашагал к жене. Кошачье личико съежилось и замигало глазками, точно ожидало щелчка. Муж подошел к ней и, наступая ей на платье, толкая ее колени своими коленями, с искаженным, бледным лицом потряс руками, головой и плечами.

– Если ты, дрянь этакая, – заговорил он глухим, плачущим голосом, – впустишь его сюда еще хоть раз, то я тебя... Чтоб шага не смел! Убью! Понимаешь? А-а-а... Тварь негодная! Дрожишь! Мерр... зость!

Бугров схватил ее за локоть, потряс и шнырнул ее, как резиновый мячик, к окну.

– Дрянь! Пошлая! Стыда нет!

Она полетела к окну, едва касаясь пола ногами, и ухватилась руками за занавески.

– Молчать! – крикнул супруг, подойдя к ней, и, сверкая глазами, топнул ногой.

Она молчала. Она глядела на потолок и всхлипывала, имея на лице выражение кающейся девочки, которую хотят наказать.

– Так ты так? А? С хлыщом? Хорошо! А перед алтарем? Кто? Хороша жена и мать! Молчать!

И он ударил ее по ее хорошенькому хрупкому плечу.

– Молчать! Дрянь! Я тебя еще и не так! Если этот прохвост посмеет явиться сюда хоть еще раз, если я тебя хоть еще раз... (слушай!!) увижу с этим мерзавцем, то... не проси милости! В Сибирь пойду, а убью! И его! Ничего мне не стоит! Ступай! Не хочу я тебя видеть!

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Бугров утер рукавом лоб и глаза и зашагал по гостиной. Лиза, всхлипывая всё громче и громче, подергивая плечами и вздернутым носиком, принялась рассматривать кружева на занавесках.

– Блажишь! – закричал супруг. – Глупостей в голове много у дуры! Прихоти всё! Я, брат, Лизавета, этого... не того! У меня не чичирк! Я не люблю! Хочешь свинством заниматься, так... гайда! В доме моем нет тебе места! Марш, коли... В жены пошла, так забудь, выкинь из дурной головы этих франтов! Глупости всё! Другой раз чтоб этого не было! Поговори еще! Мужа люби! Мужу дана, мужа и люби! Так-то! Одного мало? Ступай, пока... М-мучители!

Бугров помолчал и крикнул:

– Ступай, говорят! Иди в детскую! Чего реवेशь? Сама виновата и реवेशь! Эка! В прошлом году на Петьке Точкове висла, теперь на этого, прости господи, дьявола повисла... Тьфу! Пора понимать, кто ты! Жена! Мать! В прошлом году неудовольствия вышли, теперь выйдут неудовольствия... Тьфу!

Бугров громко вздохнул, и в воздухе запахло хересом. Он возвратился с обеда и был слегка пьян...

– Обязанностей не знаешь? Нет!.. Вас учить надо! Вы еще не учены! И маменьки ваши потаскухи и вы... Реви! Да! Реви вот!

Бугров подошел к жене и потянул из ее рук занавеску.

– Не стой у окна... Людям видно, как ты реवेशь... Другой раз чтоб этого не было. От объятий до беды дойдешь... Влопаешься. Нешто мне приятно рога носить? А наставишь, коли возиться с ними, с хамами, будешь... Ну, полно... В другой раз ты... не того... Я ведь... Лиза... Оставь...

Бугров вздохнул и обдал Лизу хересовыми парами.

– Ты молоденькая, глупенькая, ничего не понимаешь... Меня дома никогда не бывает... Ну, а они и пользуются. Надо быть умной, рассудительной! Надуют! А уж тогда я не выношу... Тогда я шабаш... Конечно! Тогда хоть и помирай ложись. За измену я... я, матушка, всё готов сделать. До смерти избить могу и... прогоню. Иди тогда к своим прохвостам.

И Бугров своей большой мягкой ладонью (*horribile dictu!*) 73 вытер мокрое, заплаканное лицо изменницы Лизы. Он обращался со своей двадцатилетней женой, как с ребенком!

– Ну, полно... Извиняю, только чтоб в другой раз... ни боже мой! Извиняю в пятый раз, а уж в шестой не извиню. Это как бог свят. За такие штуки и бог не прощает вашего брата.

Бугров нагнулся и потянулся своими лоснящимися губами к головке Лизы.

Но поцелуй не удался...

В передней, столовой, зале и гостиной захлопали двери, и в гостиную, как вихрь, влетел Грохольский. Он был бледен и дрожал. Руками он махал, мял свою дорогую шляпу. Сюртук болтался на нем, как на вешалке. Он олицетворял собою сильнейшую лихорадку. Увидев его, Бугров отошел от жены и стал смотреть в другое окно. Грохольский подлетел к нему и, махая руками, тяжело дыша и ни на кого не глядя, заговорил дрожащим голосом:

– Иван Петрович! Перестанем играть друг перед другом комедию! Довольно нам обманывать один другого! Довольно! Не в силах я! Что хотите делайте, а я не могу. Противно и подло, наконец! Возмутительно! Поймите вы, что возмутительно!

Грохольский захлебывался и задышался.

– Не в моих правилах. И вы честный человек. Я люблю ее! Люблю ее больше всего на свете! Вы это заметили и... Обязан я это сказать!

«Что ему сказать?» – подумал Иван Петрович.

– Нужно покончить! Комедия эта не может так долго тянуться! Должно это всё чем-нибудь разрешиться.

Грохольский вдохнул в себя побольше воздуха и продолжал:

– Я жить без нее не могу. Она тоже. Вы ученый человек, вы поймете, что при таких условиях ваша семейная жизнь невозможна. Эта женщина не ваша. Ну да... Одним словом, я прошу взглянуть на это дело с снисходительной... гуманной точки. Иван Петрович! Поймите же наконец, что я люблю ее, люблю больше себя, больше всего на свете, и противиться этой любви выше сил моих!

– А она-с? – спросил угрюмым, несколько насмешливым тоном Бугров.

– Спросите ее! Ну вот, спросите ее! Жить ей с нелюбимым человеком, жить с вами, любя другого, ведь это... это... страдать значит!

– А она? – повторил уже не насмешливым тоном Бугров.

– Она... она любит меня! Мы полюбили друг друга... Иван Петрович! Убивайте нас, презирайте, гонитесь за нами, делайте что хотите... но мы больше не в силах скрывать от вас! Мы оба налицо! Судите нас со всею строгостью человека, у которого мы... судьба отняла счастье!

Бугров покраснел, как переваренный рак, и одним глазом поглядел на Лизу. Он замигал глазами. Пальцы, губы и веки его задрожали. Бедный он! Глаза плачущей Лизы говорили ему, что Грохольский прав, что дело серьезно...

– Ну что ж? – забормотал он. – Ежели вы... В нынешние времена... Вы все этак...

– Видит бог, – завизжал высоким тенором Грохольский, – что мы понимаем вас! Разве мы не понимаем, не чувствуем? Я знаю, какие страдания я причиняю вам. Видит бог! Но будьте снисходительны! Умоляю вас! Мы не виноваты! Любовь не есть вина. Никакая воля не может ей противиться... Отдайте мне ее, Иван Петрович! Отпустите ее со мной! Возьмите с меня что хотите за ваши муки, жизнь мою возьмите, но отдайте мне Лизу! Я на всё готов... Ну, укажите, чем я могу хоть отчасти заменить вам ее? Взамен этого потерянного счастья я могу вам дать другое счастье! Могу, Иван Петрович! Я на всё согласен! Подло было бы с моей стороны оставить вас не удовлетворенным... Я понимаю вас в настоящую минуту.

Бугров махнул рукой, как бы говоря: «Уйдите ради самого бога!» Глаза его начали заволакиваться предательской влагой... Сейчас увидят, что он плакса.

– Я понимаю вас, Иван Петрович! Я дам вам другое счастье, которого вы не испытали. Что вы хотите? Я богатый человек, я сын влиятельного человека... Хотите? Ну, сколько хотите?

У Бугрова вдруг заколотило сердце... Он обеими руками взялся за оконные занавески.

– Хотите... пятьдесят тысяч? Иван Петрович, умоляю... Это не подкуп, не купля... Я хочу только жертвой с своей стороны загладить хоть несколько вашу неизмеримую потерю... Хотите сто тысяч? Я готов! Сто тысяч хотите?

Боже мой! Два огромнейших молотка заколотили по вспотевшим вискам несчастного Ивана Петровича... В ушах со звонками и бубенчиками забегали русские тройки...

– Примите от меня эту жертву! – продолжал Грохольский. – Умоляю вас! Вы снимете с моей совести тяжесть. Прошу вас!

Боже мой! Мимо окна, в которое глядели влажные глаза Бугрова, по мостовой, слегка влажной от брызнувшего майского дождичка, прокатила шикарная четырехместная коляска. Кони лихие, лютые, с лоском, с манерой. В коляске сидели люди в соломенных шляпах, с довольными лицами, с длинными удищами, сачками... Гимназист в белой фуражке держал в руках ружье. Они ехали на дачу удить рыбу, охотиться, пить на свежем воздухе чай. Ехали в те благодатные места, где во время оно бегал по полям, лесам и берегам босой, загорелый, но тысячу раз счастливый сын деревенского дьякона, мальчик Бугров. О, как чертовски соблазнителен этот май! Как счастливы те, которые, сняв свои тяжелые вицмундиры,

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

могут сесть в коляску и полететь в поле, где кричат перепела и пахнет молодым сеном. Сердце Бугрова сжалось от приятного, охлаждающего чувства... Сто тысяч! Вместе с коляской пред ним пролетели все его заветные мечты, которыми он любил угощать себя в продолжение всего своего чиновничьего житья-бытья, сидя в губернском правлении или в своем тщедушном кабинетике... Река, глубокая, с рыбой, широкий сад с узенькими аллеями, фонтанчиками, тенями, цветами, беседками, роскошная дача с террасами и башней, с Эоловой арфой и серебряными колокольчиками... (О существовании Эоловой арфы он узнал из немецких романов.) Небо чистое, голубое; воздух прозрачный, чистый, пропитанный запахами, напоминающими ему его босое, голодное и забитое детство... В пять часов вставать, в девять ложиться; днем ловить рыбу, охотиться, беседовать с мужичьем... Хорошо!

– Иван Петрович! Не мучайте! Хотите сто тысяч?

– Мм... Полтора ста тысяч! – промычал Бугров глухим голосом, голосом охрипшего быка... Промычал и нагнулся, стыдясь своих слов и ожидая ответа...

– Хорошо, – сказал Грохольский. – Согласен! Благодарю, Иван Петрович... Я сейчас... Не заставлю ждать...

Грохольский подпрыгнул, надел шляпу и, пятась задом, выбежал из гостиной.

Бугров крепче ухватился за оконные занавески... Ему было стыдно... На душе было подло, глупо, но зато какие красивые, блестящие надежды закопошились между его стучащими висками! Он богат!

Лиза, ничего не понимающая, боящаяся, чтобы он не подошел к ее окну и не отбросил ее в сторону, трепеща всем телом, шмыгнула в полуотворенную дверь. Она пошла в детскую, легла на нянину кровать и свернулась калачиком. Ее трясла лихорадка.

Бугров остался один. Ему стало душно, и он открыл окно. Каким великолепным воздухом пахнуло на его лицо и шею! Таким воздухом хорошо дышать, развалясь на подушках коляски... Там, далеко за городом, около деревень и дач воздух еще лучше... Бугров даже улыбнулся, мечтая о воздухе, который окутает его, когда он выйдет на террасу своей дачи и zalюбуется видом... Мечтал он долго... Солнце уже зашло, а он всё стоял и мечтал, стараясь всеми силами выбросить из своей головы образ Лизы, который неотступно следовал за ним во всех его мечтах.

– Я принес, Иван Петрович! – прошептал над его ухом вошедший Грохольский. – Я принес... Получите... Тут вот, в этой пачке сорок тысяч. По этому бланку потрудитесь получить послезавтра у Валентинова двадцать... Вексель вот... Чек... Остальные тридцать на днях... Управляющий мой вам привезет.

Грохольский, розовый, возбужденный, двигая всеми членами, выложил пред Бугровым кучу пачек, бумаг, пакетов. Куча была большая, разноцветная, пестрая. В жизнь свою никогда не видал Бугров такой кучи! Он растопырил свои жирные пальцы и, не глядя на Грохольского, принялся перебирать пачки кредиток и бланки...

Грохольский выложил все деньги и засеял по комнате, отыскивая купленную и проданную Дульцинею.

Наполнив карманы и бумажник, Бугров спрятал бланки в стол и, выпив полграфина воды, выскочил на улицу.

– Извозчик! – крикнул он диким голосом.

Ночью, в половине двенадцатого, он подкатил к подъезду гостиницы «Париж». С шумом вошел он вверх по лестнице и постучался в номер, в котором жил Грохольский. Его впустили. Грохольский укладывал свои вещи в чемоданы. Лиза сидела за столом и примеряла браслеты. Оба они испугались, когда вошел к ним Бугров. Им показалось, что он пришел за Лизой и принес обратно деньги, которые он взял не по убеждению, а сгоряча. Но Бугров пришел не за Лизой. Стыдясь своей новой оболочки, чувствуя себя в ней ужасно неловко, он поклонился и стал у двери в позе лакея... Новая оболочка была восхитительна. Бугров был неузнаваем. Костюм свеженький, прямо с иголки, из французского трико, самый наимоднейший, облекал его большое тело, ничего доселе не носившее, кроме обыкновенного вицмундира. На ногах блестели полуштилеты с сверкающими пряжками. Он стоял, стыдился своей

живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
новой оболочки и правой рукой закрывал брелоки, за которые он, час тому назад, заплатил триста рублей.

– Я пришел насчет вот чего... – начал он. – Уговор лучше денег. Мишутку я не отдам...

– Какого Мишутку? – спросил Грохольский.

– Сына.

Грохольский и Лиза переглянулись. У Лизы надулись глаза, покраснели щеки и запрыгали губы...

– Хорошо, – сказала она.

Она вспомнила теплую постельку Мишутки. Жестоко было бы эту теплую постельку променять на холодный номерной диван, и она согласилась.

– Я буду с ним видеться, – сказала она.

Бугров поклонился, вышел и, блестящий, полетел вниз по лестнице, рассекая воздух дороною тростью.

– Домой! – сказал он извозчику. – Завтра утром, в пять часов, я поеду... Приедешь. Буду спать, разбудишь. За город поедем...

II

Был прекрасный августовский вечер. Солнце, окаймленное золотым фоном, слегка подернутое пурпуром, стояло над западным горизонтом, готовое опуститься за далекие курганы. В садах уже исчезли тени и полутени, воздух стал сер, но на верхушках деревьев играла еще позолота... Было тепло. Недавно шел дождь и еще более освежил и без того свежий, прозрачный, ароматный воздух.

Я описываю не столичный август, туманный, слезливый, темный, с его холодными, донельзя сырными зорями. Храни бог! Я описываю не наш северный, жесткий август. Я попрошу читателя перенестись в Крым, на один из его берегов, поближе к Феодосии, к тому именно мосту, где стоит дача одного из моих героев. Дача хорошенькая, чистенькая, окруженная цветниками и стриженными кустами. Сзади, шагов на сто от нее, синее фруктовое сад, в котором гуляют дачники... Грохольский дорого платит за эту дачу: тысячу рублей в год, кажется... Дача не стоит этой платы, но она хорошенькая... Высокая, тонкая, с тонкими стенами и очень тонкими перилами, хрупкая, нежная, выкрашенная в светло-голубой цвет, увешанная кругом занавесами, портьерами, драпри, – она напоминает собой миловидную, хрупкую, кисейную барышню.

В описываемый вечер на террасе этой дачи сидели Грохольский и Лиза. Грохольский читал «Новое время» и пил из зеленой кружки молоко. Перед ним на столе стоял сифон с сельтерской водой. Грохольский воображал себя большим катаром легких и, по совету доктора Дмитриева, истреблял огромное количество винограда, молока и сельтерской воды. Лиза сидела далеко от стола, на мягком кресле. Облокотившись на перила и подперевши свое маленькое лицо кулачками, она глядела на дачу vis-a-vis... В окнах дачи vis-a-vis играло солнце... Горящие стекла бросали в глаза Лизы ослепительные лучи... Из-за палисадника и редких деревьев, окружавших дачу, глядело море со своими волнами, синевой, бесконечностью, белеющими мачтами... Было так хорошо! Грохольский читал фельетон Незнакомца и после каждых десяти строк взбрасывал свои голубые глаза на Лизину спину... Прежняя любовь, страстная, кипучая, светилась в этих глазах... Он был бесконечно счастлив, несмотря на воображаемый катар легких... Лиза чувствовала на своей спине его глаза, думала о блестящей будущности Мишутки, и ей было так покойно, так славно на душе...

Ее не так занимали море и ослепительное мерцанье стекол дачи vis-a-vis, как те обозы, которые один за другим тянулись к этой даче.

Обозы были полны мебели и разной домашней утвари. Лиза видела, как на даче отворились решетчатые ворота и большие стеклянные двери, как с бесконечной перебранкой закопошились около мебели возницы. В стеклянные двери внесли большие кресла и диван, обитые темно-малиновым бархатом, столы для зала, гостиной и столовой, большую двуспальную кровать, детскую кровать... Внесли также что-то

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
большое, увязанное в рожи, тяжелое...

«Рояль», – подумала Лиза, и у ней забилося сердце.

Она давно уже не слыхала игры на рояле, а она так любила эту игру. У них на даче не было ни одного музыкального инструмента. Она и Грохольский были музыкантами только в душе, не более.

За роялью внесли много ящиков и тюков, на которых написано «Осторожно».

Это были ящики с зеркалами и посудой. В ворота ввезли богатую, блестящую коляску и ввели двух белых лошадей, похожих на лебедей.

«Боже мой! Какое богатство!» – подумала Лиза, припоминая своего старичка-пони, купленного Грохольским, не любящим ни езды, ни лошадей, за сто рублей. Ее пони сравнительно с этими конями-лебедами показался ей клопом. Грохольский, боящийся быстрой езды, нарочно купил для Лизы плохую лошадь.

«Какое богатство!» – думала и шептала Лиза, глядя на шумевших возниц.

Солнце спряталось за курганы, воздух стал терять свою прозрачность и сухость, а мебель всё еще возили и таскали. Стало наконец темно до того, что Грохольский перестал читать газеты, а Лиза всё смотрела и смотрела.

– Не зажечь ли лампу? – спросил Грохольский, боявшийся, чтобы в молоко не упала муха и в темноте не была бы проглочена. – Лиза! Не зажечь ли лампу? В темноте посидим, мой ангел?

Лиза не отвечала. Ее занимал шарабан, подъехавший к воротам дачи vis-a-vis... Какая миленькая лошадка привезла этот шарабан! Среднего роста, небольшая, грациозная... В шарабане сидел какой-то господин в цилиндре. На коленях его, болтая ручонками, заседал ребенок лет трех, по-видимому мальчишка... Он болтал ручонками и покрикивал от восторга...

Лиза вдруг взвизгнула, поднялась и подалась всем корпусом вперед.

– Что с тобой? – спросил Грохольский.

– Ничего... Это я так... Показалось...

Высокий и широкоплечий господин в цилиндре соскочил с шарабана, взял на руки мальчишку и, подпрыгивая, весело побежал к стеклянной двери.

Дверь с шумом отворилась, и он исчез во мраке дачных апартаментов.

Два холуя подскочили к лошади с шарабаном и почтительнейше повели ее в ворота. Скоро в даче vis-a-vis засветились огни и послышался стук тарелок, ножей и вилок. Господин в цилиндре сел ужинать и, судя по продолжительности звяканья посудой, ужинал долго. Лизе показалось, что запахло щами с курицей и жареной уткой. После ужина из дачи понеслись беспорядочные звуки рояля. По всей вероятности, господин в цилиндре хотел забавить чем-нибудь ребенка и позволил ему побряцать.

Грохольский подошел к Лизе и взял ее за талию.

– Какая чудная погода! – сказал он. – Какой воздух! Чувствуешь? Я, Лиза, очень счастлив... даже очень. Счастье мое так велико, что я даже боюсь, чтобы оно не рухнуло. Рушатся, обыкновенно, большие предметы... А знаешь ли, Лиза? Несмотря на всё мое счастье, я все-таки не абсолютно... покоен... Меня мучает одна неотвязчивая мысль... Ужасно мучает. Она мне не дает покоя ни днем, ни ночью...

– Какая мысль?

– Какая? Ужасная, душа моя. Меня мучает мысль о... твоём муже. Я молчал до сих пор, боялся потревожить твой внутренний покой. Но я не в силах молчать... Где он? Что с ним? Куда он делся со своими деньгами? Ужасно! Каждую ночь мне представляется его лицо, испитое, страдающее, умоляющее... Ну, посуди, мой ангел! Ведь мы отняли у него его счастье! Разрушили, раздробили! Свое счастье мы

живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
построили на развалинах его счастья... Разве деньги, которые он великодушно
принял, могут ему заменить тебя? Ведь он тебя очень любил?

– Очень!

– Ну, вот видишь! Он или запил теперь, или же... Боюсь за него! Ах, как боюсь!
Написать бы ему, что ли? Его утешить нужно... Доброе слово, знаешь ли...

Грохольский глубоко вздохнул, покачал головой и, изнеможенный тяжелой думой,
опустился в кресло. Подперев голову кулаками, он принялся думать. Судя по его
лицу, дума была мучительная...

– Я пойду спать, – сказала Лиза. – Пора...

Лиза пошла к себе, разделась и порхнула под одеяло. Она ложилась в десять часов
и вставала в десять. Сибаритничать она любила...

Морфей скоро принял ее в свои объятия. Сны ей снились, в продолжение всей ночи,
самые обворожительные... Снились ей целые романы, повести, арабские сказки... Героем
всех этих снов был... господин в цилиндре, заставивший ее сегодня вечером
взвизгнуть.

Господин в цилиндре отнимал ее у Грохольского, пел, бил Грохольского и ее, сек
под окном мальчишку, объяснялся в любви, катал ее на шарабане... О, сны! В одну
ночь, с закрытыми глазами и лежа, можно иногда прожить не один десяток
счастливых лет... Лиза в эту ночь прожила очень много и очень счастливо, несмотря
даже и на побои...

Проснувшись в восьмом часу, она накинула на себя платье, быстро поправила волосы
и, не надев даже своих татарских остроносых туфель, опрометью побежала на
террасу. Одной рукой закрывая от солнца глаза, а другой поддерживая спускающееся
платье, она поглядела на дачу vis-a-vis... Лицо ее засияло.

Сомневаться более нельзя было. Это был он.

Под террасой дачи vis-a-vis, перед стеклянной дверью, стоял стол. На столе сиял,
сверкал и блистал чайный сервиз с серебряным самоварчиком во главе. За столом
сидел Иван Петрович. Он держал в руках серебряный подстаканник и пил чай. Пил с
большим аппетитом. Последнее можно было заметить по тому чавканью, которое
доносилось до ушей Лизы. Он был в коричневом халате с черными цветами. Массивные
кисти спускались до самой земли. Лиза первый раз в жизни видела своего мужа в
халате, да еще в таком дорогом... На одном колене его сидел Мишутка и мешал ему
пить чай. Он подпрыгивал и старался схватить своего папашу за лоснящуюся губу.
Папаша, после каждых трех-четырех глотков, наклонялся к сыну и целовал его в
темя. Около одной из ножек стола, подняв высоко хвост, терся серый кот и
жалобным мяуканьем изъявлял желание покушать.

Лиза спряталась за портьеру и впиалась глазами в членов своей бывшей семьи. На
лице ее засветилась радость...

– Мишель! – зашептала она. – Миша! Ты здесь Миша! Голубчик! А как он любит Ваню!
Господи!

И Лиза покатила со смеху, когда Мишутка помешал ложкой отцовский чай.

– А как Ваня любит Мишеля! Милые мои!

У Лизы от радости и от счастья забилось сердце и закружилась голова. Она
опустилась в кресло и с кресла принялась за наблюдения.

«Как они попали сюда?! – спрашивала она себя, посылая Мишутке воздушные поцелуй.
– Кто надоумил их приехать сюда? Господи! И неужели всё это богатство
принадлежит им? Неужели те лошади-лебеди, которых ввели вчера в ворота,
принадлежат Ивану Петровичу? Ах!»

Напившись чаю, Иван Петрович ушел в дом. Через десять минут он появился на
крыльце и... поразил Лизу. Он, юноша, только семь лет тому назад переставший
называться Ванькой и Ванюшкой, готовый за двугривенный своротить челюсть,

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
поставить весь дом вверх дном, был одет чертовски хорошо. Он был в соломенной широкополой шляпе, в чудных блестящих ботфортах, жилетке пике... Тысяча больших и малых солнц светилось в его брелоках. В правой руке держал он с шиком перчатки и хлыстик...

А сколько фанаберии и амбиции было в его тяжеловесной фигуре, когда он грациозным манием руки велел лакею подавать лошадь!

Он важно сел в шарабан и велел подать себе Мишутку и удочки, с которыми стояли вокруг шарабана лакеи. Посадив Мишутку рядом и обхватив его левой рукой, он дернул вожжи и покатил.

– Но-о-о-о! – крикнул Мишутка.

Лиза, сама того не замечая, махнула им вслед платком. Если бы она посмотрелась в зеркало, то она увидела бы раскрасневшееся, смеющееся и в то же время плачущее личико. Ей досадно было, что она не около ликующего Мишутки и что ей нельзя почему-то сейчас же расцеловать его.

Почему-то!.. Пропадай все вы пропадом, щепетильные чувства!

– Гриша! Гриша! – принялась Лиза будить Грохольского, вбежав в спальную. – Вставай! Приехали! Голубчик!

– Кто приехал? – спросил проснувшийся Грохольский.

– Наши... Ваня и Миша... Приехали! На даче, что напротив... Смотрю я, а они там... Чай пили... И Миша тоже... Какой ангельчик наш Миша стал, если б ты его только видел! Мать божия!

– Кого? Да ты того... Кто приехал? Куда?

– Ваня с Мишей... Смотрю я на дачу, что напротив, а они сидят и чай пьют. Миша уже умеет сам чай пить... Видел, что вчера перевозились? Это они приехали!

Грохольский нахмурился, потер себе лоб и побледнел.

– Приехал? Муж? – спросил он.

– Ну да...

– Зачем?

– Вероятно, жить здесь будут... Они не знают, что мы здесь. Если бы знали, то смотрели бы на нашу дачу, а то пили чай и... не обращали никакого внимания...

– Где он теперь? Да говори ты, ради бога, толком! Ах! Ну, где он?

– Поехал с Мишей рыбу удить... На шарабане. Видел ты вчера лошадей? Это их лошади... Ванины... Ваня на них ездит. Знаешь что, Гриша? Мы Мишу к себе в гости возьмем... Возьмем ведь? Он такой хорошенький мальчик! Такой чудесный!

Грохольский задумался, а Лиза всё говорила, говорила...

– Вот так неожиданная встреча, – сказал Грохольский после долгого и, по обыкновению, мучительного размышления. – Ну, кто мог ожидать, что мы тут встретимся? Ну... так и быть... Пусть. Судьбе, значит, так угодно. Воображаю его неловкое положение, когда он с нами встретится!

– Мишу возьмем к себе в гости?

– Мишу-то возьмем... С ним-то вот неловко встречаться... Ну, что я с ним буду говорить? О чем? И ему неловко, и мне неловко... Встречаться не следует. Будем переговоры вести, если нужно будет, через прислугу... У меня, Лизочка, ужасно голова болит... Руки и ноги... Ломит всё. Голова у меня горячая?

Лиза провела ладонью по его лбу и нашла, что голова горячая.

живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

– всю ночь сны ужасные... Я не встану сегодня с постели, полежу... Надо будет хинину принять. Пришлешь мне чай сюда, мамочка...

Грохольский принял хинину и провалялся на постели целый день. Он пил теплую воду, стонал, переменял белье, хныкал и наводил на всё окружающее томительнейшую скуку. Он был невыносим, когда воображал себя простудившимся. Лизе то и дело приходилось прерывать свои любопытные наблюдения и бегать с террасы в его комнату. Во время обеда ей пришлось ставить ему горчичники. Как всё это было бы скучно, читатель, если бы к услугам моей героини не было дачи vis-a-vis. Лиза целый день глядела на эту дачу и захлебывалась от счастья.

В десять часов Иван Петрович и Мишутка, возвратившиеся с рыбной ловли, завтракали. В два часа они обедали и в четыре уехали куда-то в коляске. Белые лошади понесли их с быстротою молнии. В семь часов к ним приехали гости, мужчины. До самой полночи на террасе играли на двух столах в карты. Один из мужчин играл превосходно на рояле. Гости играли, пили, ели, хохотали. Иван Петрович, хохоча во всё горло, рассказал им анекдот из армянского быта, рассказал во всю ивановскую, так, что всем дачам слышно было. Очень было весело! И Мишутка просидел с ними до полночи.

«Миша весел, не плачет, – подумала Лиза, – значит, не помнит свою маму. Забыл он, значит, меня!»

И на душе у Лизы стало ужасно горько. Она проплакала всю ночь. Ее мучила и маленькая совесть, и досада, и тоска, и страстное желание поговорить с Мишуткой, поцеловать его... Утром поднялась она с постели с головной болью и с заплаканными глазами. Слезы эти записал Грохольский на свой счет.

– Не плачь, милая! – сказал он ей. – Сегодня я уж здоров... Грудь немножко побаливает, но это ничего.

Когда они пили чай, на даче vis-a-vis завтракали. Иван Петрович смотрел в тарелку и не видел ничего, кроме куска гуся, с которого тек жир.

– Я очень доволен, – шептал Грохольский, искоса поглядывая на Бугрова. – Очень доволен, что он живет так сносно! Пусть хоть порядочной обстановкой заглушит свое горе. Закройся, Лиза! Увидят... Сейчас я не расположен беседовать с ним... Бог с ним! Зачем нарушать его покой?

Зато обед не прошел так тихо... Во время обеда случилось именно то «неловкое положение», которого так боялся Грохольский. Когда были поданы к столу куропатки, самое любимое кушанье Грохольского, Лиза вдруг сконфузилась, и Грохольский принялся утирать лицо салфеткой. На террасе дачи vis-a-vis они увидели Бугрова. Он стоял, опершись руками о перила, и, выпучив глаза, глядел прямо на них.

– Выйди, Лиза... Выйди... – зашептал Грохольский. – Говорил ведь, чтоб в комнате обедать! Какая, право, ты...

Бугров глядел-гляддел и вдруг заорал. Грохольский поглядел на него и увидел очень удивляющееся лицо...

– Это вы?! – заорал Иван Петрович. – Вы?! И вы здесь? Здравствуйте!

Грохольский провел пальцами от одного плеча до другого. Грудь, мол, слаба, а потому кричать на такое расстояние невозможно. У Лизы забилося сердце и помутилось в глазах... Бугров сбежал с своей террасы, перебежал дорогу и через несколько секунд стоял уже под террасой, на которой обедали Грохольский и Лиза. Пропали куропатки!

– Здравствуйте, – заговорил он, краснея и запихивая в карманы свои большие руки. – Вы здесь? И вы здесь?

– Да, и мы здесь.

– Каким образом вы здесь?

– А вы каким образом?

– Я? Целая история! Баллада целая, батенька! Да вы не беспокойтесь, кушайте! Жил я, знаете ли, с тех пор, как... в Орловской губернии... Именьице арендовал. Прекрасное имение! Да вы кушайте! Прожил там с самого конца мая, ну, а теперь бросил... Холодно там, ну да и доктор в Крым посоветовал ехать...

– А вы больны разве чем-нибудь? – спросил Грохольский.

– Да так... всё тут как будто бы... бурлит что-то...

И Иван Петрович, при слове «тут», провел ладонью от шеи до середины живота.

– Так и вы здесь... Так-с... Это очень приятно. Давно вы здесь?

– С июня.

– Ну, а ты, Лиза, как? Здорова?

– Здорова, – ответила Лиза и сконфузилась.

– За Мишуткой небось соскучилась? А? А он здесь, со мной... Я к вам его сейчас с Никифором пришлю. Это очень приятно! Ну, прощайте! Мне ехать сейчас нужно... Вчера я познакомился с князем Тер-Гаймазовым... Душа человек, хоть и армяшка! Так сегодня у него крокет... В крокет будем играть... Прощайте! Лошадь уже подана...

Иван Петрович завертелся на одном месте, замотал головой и, сделав ручкой «adieu», побежал к себе.

– Несчастный! – сказал Грохольский, проводив его глазами и глубоко вздохнув.

– Чем же он несчастный? – спросила Лиза.

– Видеть тебя и не иметь права назвать тебя своей!

«Дуррак! – осмелилась подумать Лиза. – Тряпка!»

Перед вечером Лиза обнимала и целовала Мишутку, которого принес Никифор. Мишутка на первых порах разревелся, но, когда ему предложили кизилового варенья, он дружелюбно заулыбался.

Три дня Грохольский и Лиза не видали Бугрова. Он где-то пропадал и только ночью бывал дома. На четвертый день он явился к ним опять во время обеда... Он пришел, подал обоим руки и сел за стол. Лицо его было серьезно...

– Я к вам по делу, – сказал он. – Прочтите!

И он подал Грохольскому письмо.

– Прочтите! Читайте вслух!

Грохольский прочел вслух следующее:

«Любезный и утешительный, незабвенный сын мой Иоанн! Я получил почтительное и любвеобильное письмо твое, в котором ты приглашаешь престарелого отца своего в благорастворенный и благодушный Крым подышать благоприятным воздухом и повидать неведомые мне земли. На сие твое письмо отвечаю, что по взятии отпуска я к тебе прибуду, но ненадолго. Мой сослуживец, отец Герасим, человек хворый, расслабленный и не может один оставаться на долгое время. Мне очень чувствительно, что ты не забываешь родителей твоих, отца и мать твою... Отца убоготорворяешь лаской, а мать поминаешь в молитвах своих; ибо сие так и подобает. В Феодосии встречай меня. Что это за город Феодосия? Какой? Очень приятно будет повидать. Твою крестную мать, воспринимавшую тебя от купели, зовут Феодосией. Ты пишешь, что бог сподобил тебя выиграть 200000. Это мне обольстительно. Но не хвалю того случая, что ты, дослужившись до немаловажного чина, оставил втуне служение. Служить подобает и богачу. Благословляю тебя всегда, ныне и присно. Кланяется тебе Андронов Илья и Сережка. Ты бы им по десятке прислал. Бедствуют!»

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Твой любящий отец, священник Петр Бугров».

Грохольский прочитал вслух это письмо и вместе с Лизой вопросительно поглядел на Бугрова.

– Видите, в чем дело... – начал, заикаясь, Иван Петрович. – Я просил бы, Лиза, пока он будет здесь, не показываться ему на глаза, спрятаться. Я написал ему, что ты больна и уехала на Кавказ лечиться. Если встретишься ему, то... сама знаешь... Неловко... Гм...

– Хорошо, – сказала Лиза.

«Это можно, – подумал Грохольский. – Если он жертвует, то почему же нам не жертвовать?»

– Пожалуйста... А то, как увидит, беда... Он у меня строгих правил. На семи соборах проклянет. Ты, Лиза, не выходи из комнаты, вот и всё... Он недолго здесь пробудет. Не беспокойся...

Отец Петр не заставил себя долго ждать. В одно прекрасное утро прибежал Иван Петрович и таинственным тоном прошипел:

– Приехал! Спит теперь! Так пожалуйста же!

И Лиза засела между четырьмя стенами. Она не позволяла себе выходить ни на двор, ни на террасу. Ей можно было видеть небо только из-за оконной занавески... К ее несчастью, папаша Ивана Петровича всё время был под открытым небом и спал даже на террасе. Обыкновенно отец Петр, маленький попик, в коричневой рясе и в цилиндре с поднятыми краями, медленно разгуливал вокруг дач и с любопытством поглядывал сквозь свои дедовские очки на «неведомые земли».

Его сопровождал Иван Петрович с Станиславом в петличке. Ордена обыкновенно он не носил, но перед родней Иван Петрович любил поломаться. Находясь в обществе родни, он всегда надевал Станислава.

Лиза умирала от скуки. Грохольский тоже страдал. Ему приходилось гулять одному, без пары. Он чуть не плакал, но... нужно было покориться судьбе. А тут еще каждое утро прибегал Бугров и, шипя, сообщал никому не нужный бюллетень о здоровье маленького отца Петра. Надоел он с этими бюллетенями.

– Ночь спал хорошо! – сообщал он. – Вчера обижался, что у меня соленых огурцов нет. Мишутку полюбил. Всё по голове гладит...

Наконец, недели через две, маленький отец Петр походил в последний раз вокруг дач и, к великому счастью Грохольского, уехал. Он нагулялся и уехал ужасно довольным... Грохольский и Лиза опять зажили по-старому. Грохольский опять заблагословлял свою судьбу... Но недолго продолжалось его счастье... Явилась новая беда, горшая отца Петра.

К ним повадился каждый день ходить Иван Петрович. Иван Петрович, откровенно говоря, славный малый, но очень тяжелый человек. Он приходил во время обеда, обедал у них и сидел у них очень долго. Это бы еще ничего. Но ему к обеду нужно было покупать водки, которую терпеть не мог Грохольский. Он выпивал рюмок пять и говорил весь обед. И это бы еще ничего... Но он просиживал до двух часов ночи и не давал им спать... А главное, он позволял себе говорить то, о чем следовало бы молчать... Когда он к двум часам ночи напивался водки и шампанского, он брал на руки Мишутку и, плача, говорил ему при Грохольском и Лизе:

– Сын мой! Михаил! Я что такое? Кто? Я... подлец! Продам мать твою! Продам за тридцать сребреников... Накажи меня господь! Михаил Иваныч! Поросеночек! Где твоя мать? Фюить! Нету! Продана в рабство! Ну, что ж? Подлец я... значит...

Эти слезы и слова выворачивали всю душу Грохольского. Он робко поглядывал на бледневшую Лизу и ломал себе руки.

– Идите спать, Иван Петрович! – говорил он робко.

– И пойду... Пойдем, Мишутка! Суди нас бог! Не могу я помышлять о сне, когда я

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
знаю, что моя жена раба... Но Грохольский не виноват... Мой товар, его деньги...
Вольному воля, спасенному рай...

Днем для Грохольского Иван Петрович был не менее невыносим. Он, к великому ужасу Грохольского, не отходил от Лизы. Удил с ней рыбу, рассказывал ей анекдоты, гулял с ней. И даже раз, воспользовавшись простудой Грохольского, он возил ее на своей коляске, бог знает где, до самой ночи.

«Это возмутительно! Нечеловечно!» – думал Грохольский, кусая губы.

Грохольский любил ежеминутно целовать Лизу. Без этих слащавых поцелуев он жить не мог, а при Иване Петровиче было как-то неловко целоваться... Мучение! Бедняжка почувствовал себя одиноким... Но судьба скоро сжалилась над ним... Иван Петрович вдруг пропал куда-то на целую неделю. Приехали гости и утащили его с собой. И Мишутку взяли.

В одно прекрасное утро Грохольский пришел к себе на дачу с прогулки веселый, сияющий.

– Приехал, – сказал он Лизе, потирая руки. – Я очень рад, что он приехал... Ха-ха-ха!

– Чего ты смеешься?

– С ним женщины...

– Какие женщины?

– Не знаю... Это хорошо, что он завел себе женщин... Отлично даже... Он еще так молод, так свеж... Иди-ка сюда! Погляди...

Грохольский повел Лизу на террасу и указал ей на дачу vis-a-vis. Оба взяли за животы и захохотали. Смешно было. На террасе дачи vis-a-vis стоял Иван Петрович и улыбался. Внизу, под террасой, стояли какие-то две дамы-брюнетки и Мишутка. Дамы о чем-то громко говорили по-французски и хохотали.

– Француженки, – заметил Грохольский. – Та, что ближе к нам, очень недурна. Легкая кавалерия, но это ничего... И между такими бывают хорошие женщины... Однако как они... нахальны.

Смешно было то, что Иван Петрович переваливался через террасу и опускал вниз свои длинные руки, руками обхватывал плечи одной из француженок и, хохочущую, поднимал и ставил на террасу.

Поднявши обеих дам на террасу, он поднял и Мишутку. Дамы сбежали вниз, и опять началось то же поднятие...

– Здоровые, однако, мускулы! – бормотал Грохольский, глядя на эту сцену.

Поднятие повторилось раз шесть. Дамы были так милы, что нисколько не конфузились, когда сильно дувший ветер во время поднятия, как хотел, распоряжался их вздувшимися платьями. Грохольский стыдливо опускал глазки, когда дамы, достигши балкона, перекидывали ноги через перила. А Лиза глядела и хохотала! Ей какое было дело? Невежничали не мужчины, которых должна была она, женщина, стыдиться, а дамы!

Вечером прилетел Иван Петрович и, конфузясь, объявил, что он теперь семейный человек...

– Вы не подумайте, что они какие-нибудь, – сказал он. – Правда, они француженки, кричат всё, вино пьют... но известно! Воспитание такое французы получают! Ничего не поделаешь... Мне их, – добавил Иван Петрович, – князь уступил... Почти задаром... Возьми да возьми... Надо вас будет когда-нибудь познакомить с князем. Образованный человек! Всё пишет, пишет... А знаете, как их зовут? Одну Фанни, другую Изабеллой... Европа! Ха-ха-ха... Запад! Прощайте-с!

Иван Петрович оставил в покое Грохольского и Лизу и прилепился к своим дамам. Целый день слышался из его дачи говор, смех, звон посуды... До глубокой ночи не

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
тушились огни... Грохольский заблагодушествовал... Наконец таки, после долгого мучительного антракта, он почувствовал себя опять счастливым и покойным. Иван Петрович с двумя не вкушал такого счастья, какое вкушал он с одной... Но – увы! У судьбы нет сердца. Она играет Грохольскими, Лизами, Иванами, Мишутками, как пешками... Грохольский опять потерял покой...

Однажды (недели полторы спустя), поздно проснувшись, он вышел на террасу и увидел картину, которая его поразила, возмутила и привела в сильнейшее негодование. Под террасой дачи vis-a-vis стояли француженки и между ними... Лиза. Она беседовала и искоса поглядывала на свою дачу: не проснулся ли, мол, тот тиран, деспот? (Так Грохольский объяснил себе эти взгляды.) Иван Петрович, стоящий на террасе, с засученными рукавами, поднял вверх Изабеллу, потом Фанни и потом... Лизу. Когда он поднимал Лизу, Грохольскому показалось, что он прижимал ее к себе... Лиза тоже перекинула одну ногу через перила... О, эти женщины! Они все до единой сфинксы!

Когда Лиза воротилась от мужа домой и, как ни в чем не бывало, на цыпочках пошла в спальную, Грохольский, бледный, с розовыми пятнами на щеках, лежал в позе совсем обессилевшего человека и стонал.

Увидев Лизу, он спрыгнул с кровати и зашагал по спальней.

– Так вот вы как? – завизжал он высоким тенором. – Так вот вы как? Очень вам благодарен! Это возмутительно, милостивая государыня! Безнравственно, наконец! Поймите вы это!

Лиза побледнела и, разумеется, заплакала. Женщины, когда чувствуют себя правыми, бранятся и плачут, когда же сознают за собой вину, то только плачут.

– Заодно с этими развратницами?! Оно... Это... это... это ниже всякого неприличия! Да вы знаете, кто они? Это продажные-с! Кокотки! И вы, честная женщина, полезли туда же, куда и они?! А тот... тот! Что ему нужно? Что ему еще нужно от меня? Но понимаю! Я отдал ему половину своего состояния, отдал больше! Вы знаете сами! Я отдал ему то, чего у меня нет... Почти все отдал... А он! Я выносил ваше с ним «ты», на которое он не имеет никакого права, выносил ваши прогулки, поцелуи после обеда... всё выносил, но этого не вынесу... Я или он! Пусть он уедет отсюда, или я уеду! Жить я так более не в состоянии... нет! Ты сама это понимаешь... Или я, или он... Полно! Чаша уже полна... Я и так уже многое выстрадал... Сейчас же пойду с ним переговорю... Сию минуту! Что он, в самом деле? Ишь ведь он какой! Ну, нет-с... Это он напрасно так много думает о себе...

Грохольский наговорил еще очень много храбрых и язвительных вещей, но «сейчас» не пошел: струсил и устыдился. Он пошел к Ивану Петровичу три дня спустя...

Вошедши в его апартаменты, он рот разинул. Его удивили роскошь и богатство, которыми окружил себя Бугров. Обои бархатные, стулья ужасно дорогие... ступить даже страшно. Грохольский видал на своем веку много богатых людей, но ни у одного не видел такой бешеной роскоши. А какую безалаберщину увидел он, когда с непонятным трепетом вошел в зал! На роляе валялись тарелки с кусочками хлеба, на стуле стоял стакан, под столом корзина с каким-то безобразным тряпьем. На окнах была рассыпана ореховая скорлупа... Сам Бугров, когда вошел Грохольский, тоже был не совсем в порядке. Он шагал по зале, розовый, непричесанный, в дезабилье, и говорил сам с собою... Он, видимо, был чем-то сильно встревожен. На диване, тут же в зале, сидел Мишутка и потрясал воздух пронзительным криком.

– Это ужасно, Григорий Васильич! – заговорил Бугров, увидев Грохольского. – Такие беспорядки, такие беспорядки... Садитесь, пожалуйста! Вы извините меня, что я в костюме Адама и Евы. Это ничего... Ужасные беспорядки! Не понимаю, как это люди могут здесь жить? Не понимаю! Прислуга непослушная, климат ужасный, всё дорого... Замолчи! – крикнул Бугров, вдруг остановившись перед Мишуткой. – Замолчи! Тебе говорят! Скот! Ты не замолчишь?

И Бугров дернул за ухо Мишутку.

– Это возмутительно, Иван Петрович! – заговорил плачущим голосом Грохольский. – Можно ли бить таких маленьких? Какой же вы, право...

– А пусть он не ревет... Замолчи! Высеку!

– Не плачь, Миша, голубчик... Папа тебя больше не тронет. Не бейте его, Иван Петрович! Ведь он еще дитя... Ну-ну... Хочешь лошадку? Я тебе лошадку пришлю... Какой же вы, право... жестокосердный...

Грохольский помолчал и спросил:

– А как поживают ваши дамы, Иван Петрович?

– Никак... Прогнал... Без церемонии. Я бы их еще подержал, да неловко: мальчишка подрастает... Пример с отца... Будь я один, ну, тогда другое дело. Да и к чему мне их держать? Пф... Одна только комедия! Я им по-русски, а они мне по-французски... Ничего не понимают, хоть кол теши на голове.

– Я к вам по делу, Иван Петрович, переговорить... Гм... Дело не особенное, а так... два-три слова... В сущности, я к вам просьбу имею.

– Какую?

– Не найдете ли вы, Иван Петрович, возможным уехать... отсюда? Мы очень рады, что вы здесь, нам очень приятно, но, знаете ли, неудобно... Вы меня поймете. Неловко как-то... Неопределенные отношения какие-то, вечная неловкость по отношению друг к другу... Расстаться нужно... Необходимо даже... Вы извините меня, но... вы сами, конечно, понимаете, что в подобных случаях совместное житье наводит на... размышления... То есть не на размышления, а является какое-то неловкое чувство.

– Да... Это так. Я сам об этом думал. Хорошо, уеду.

– Мы вам будем очень благодарны. Верьте, Иван Петрович, что воспоминание о вас мы сохраним самое лестное! Жертва, которую...

– Хорошо... Только куда же всё это я дену? Послушайте, купите у меня эту мебель! Хотите? Она недорого стоит... Тысяч восемь... десять... Мебель, коляска, рояль...

– Хорошо... Я дам вам десять...

– Ну вот и отлично! Завтра же еду... В Москву поеду. А здесь жить невозможно! Дорого всё! Ужасно дорого! Деньги так и сыпятся... Что ни шаг – то и тысяча... Этак я не могу... У меня семья... Ну, слава богу, что вы у меня мебель покупаете. Денег все-таки больше будет, а то я совсем обанкрутился...

Грохольский встал, попрощался с Бугровым и, ликующий, отправился к себе. Вечером он прислал ему десять тысяч.

На другой день, рано утром, Бугров и Мишутка были уже в Феодосии.

III

Прошло несколько месяцев. Наступила весна. С весной наступили и ясные, светлые дни, когда жизнь не так ненавистна и скучна и земля наиболее благообразна... Повеяло с моря и с поля теплом... Земля покрылась новой травой, на деревьях зазеленели новые листья. Природа воскресла и предстала в новой одежде...

Казалось бы, новые надежды и новые желания должны закопошиться в человеке, когда в природе всё обновлено, молодо, свежо... Но человека трудно воскресить.

Грохольский жил всё в той же даче... Надежды и желания его, маленькие, нетребовательные, сосредоточивались всё на той же Лизе, на одной ей, ни на чем другом! Он по-прежнему не отрывал от нее глаз и услаждал себя мыслью: «Как я счастлив!» Бедняга на самом деле чувствовал себя ужасно счастливым. Лиза по-прежнему сидела на террасе и скучно, непонятно глядела на дачу *vis-a-vis* и деревья около нее, сквозь которые видно было синее море... Она по-прежнему всё больше молчала, часто плакала и изредка ставила горчичники Грохольскому. Впрочем, ее можно поздравить с обновкой. Внутри ее завелся червь. Этот червь – тоска... Она сильно тосковала, тосковала за сыном, за прошлым житьем-бытьем, за весельем. Прежнее житье было не особенно веселое, но все-таки веселее теперешнего... Живя с мужем, она изредка хаживала в театр, в собрание, к знакомым. А здесь, с Грохольским? Здесь пусто, тихо... Возле есть один человек, да и тот, со своими недугами и ежеминутными слащавыми поцелуями, похож на старого, от радости

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

вечно плачущего дедушку-тихоню. Скучно! Здесь нет Михея Сергеича, который любил с нею плясать мазурку, нет и Спиридона Николаича, сына редактора «Губернских ведомостей». Спиридон Николаич прекрасно поет и читает стихи. Нет стола с закуской, ни гостей, нет Герасимовны, няни, которая постоянно бурчала на нее за то, что она ела много варенья. Никого нет! Просто хоть ложись да умирай от тоски. Грохольский радовался своему одиночеству, но... напрасно он радовался. Он раньше, чем следует, заплатил за свой эгоизм. В начале мая, когда, казалось, и сам воздух что-то любил и изнывал от счастья, Грохольский потерял всё: и любимую женщину, и...

Бугров и в этом году приехал в Крым. Дачи vis-a-vis он не нанял, а слонялся с Мишуткой по крымским городам. В городах он пил, ел, спал и в карты играл. К рыбной ловле, охоте, к французенкам, которые, между нас сказать, немножко обокрали его, он потерял всякую охоту. Он похудел, перестал сиять и широко улыбаться, нарядился в парусину. Иван Петрович изредка посещал и дачу Грохольского. Он привозил Лизе варенье, конфет, фрукт и как бы старался разогнать ее скуку. Грохольского не беспокоили эти посещения, тем более, что они были редки, кратковременны, и, по-видимому, делались ради Мишутки, которого нельзя уже было лишить ни за что ни про что права иметь свидания с матерью. Бугров приезжал, выкладывал гостинцы и, сказав несколько слов, уезжал. И говорил он эти несколько слов не с Лизой, а с Грохольским... С Лизой он молчал. И Грохольский был покоен... Но существует русская пословица, которую не мешало бы помнить Грохольскому: «Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит...» Пословица ехидная, но в практической жизни иногда весьма необходимая...

Однажды, гуляя по саду, Грохольский услышал говор двух голосов. Один голос был мужской, другой женский. Первый принадлежал Бугрову, второй Лизе. Грохольский прислушался и, побледнев, как смерть, тихо зашагал к беседовавшим. Он остановился за сиреневым кустом и принялся наблюдать и слушать. Ноги и руки его похолодели. На лбу выступил холодный пот. Чтобы не шататься и не упасть, он обхватил руками несколько сиреневых ветвей. Всё кончено!

Бугров держал Лизу за талию и говорил ей:

– Милая моя! Ну что ж нам делать? Так, значит, богу угодно было... Подлец я... Я продал тебя. Польстился на иродово богатство, чтоб ему пусто было... А что толку с этого богатства? Одно только беспокойство да хвастовство! Ни покоя, ни счастья, ни чинов... Сидишь, как телепень, на одном месте, и ни шага вперед... Ты слышала? Андрюшка Маркузин в столоначальники вышел... Андрюшка, дурак этот! А я сижу... Господи, господи! Тебя лишился, счастья лишился. Подлец я! Мерзавец! Ты думаешь, хорошо мне будет на страшном суде?

– Уедем отсюда, Ваня! – заплакала Лиза. – Мне скучно... Я умираю от тоски.

– Нельзя... Деньги взяты.

– Ну, отдай их назад!

– Рад бы отдать, да... тпррр... Стой, кобыла! Всё прожил! Покориться надо, матушка... Это нас бог наказывает. Меня за корыстолюбие, а тебя за легкомыслие... Что ж? Будем терзаться... На том свете легче будет.

И в наплыве религиозных чувств Бугров поднял глаза к небу.

– Но я жить здесь не могу! Мне скучно!

– Что ж делать? А мне не скучно? Разве мне без тебя весело? Я весь изныл, иссох! И грудь болеть стала!.. Ты мне жена законная, моя плоть от плоти... едина плоть... живи, терпи! Ну, а я... ездить буду, навещать...

И, нагнувшись к Лизе, Бугров прошептал, однако, так громко, что за несколько сажен было слышно:

– Я к тебе, Лизанька, и ночью приеду... Не беспокойся... Я в Феодосии, близко... Буду жить здесь около тебя, пока всего не профинчу... А профинчу скоро всё до копейки! Э-э-эх! И что это за жизнь? Скука, болен весь... и грудь болит и живот болит...

Бугров умолк. Настала очередь для Лизы... Боже мой, как жестока эта женщина! Она

живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
начала плакать, жаловаться, исчислять все недостатки своего любовника, свои мучения... Грохольский, слушая ее, почувствовал себя разбойником, злодеем, губителем...

– Он меня замучил! – кончила Лиза...

Поцеловавшись на прощанье с Лизой и выходя из садовой калитки, Бугров наткнулся на Грохольского, который стоял у калитки и поджидал его.

– Иван Петрович! – сказал Грохольский тоном умирающего. – Я всё слышал и видел... Это нечестно с вашей стороны, но я не виню вас... Вы ее тоже любите... Но поймите, что она моя! Моя! Я жить не могу без нее! Как вы этого не поймете? Ну, положим, вы любите ее, страдаете, но разве я не заплатил вам хотя отчасти за наши страдания? Уезжайте, ради бога! Уезжайте, ради бога! Уезжайте отсюда навсегда. Умоляю вас! Иначе вы убьете меня...

– Мне некуда ехать, – проговорил глухо Бугров...

– Гм... Вы уже всё растратили... Вы увлекающийся человек... Ну, хорошо... Поезжайте в мое имение, в Черниговскую губернию... Хотите? Я вам дарю это имение... Оно маленькое, но хорошее... Честное слово, хорошее!..

Бугров широко улыбнулся. Он вдруг почувствовал себя на седьмом небе.

– Я вам дарю... Сегодня же я напишу управляющему и pošлю ему доверенность на совершение купчей. Вы говорите везде, что вы купили... Поезжайте! Умоляю вас!

– Хорошо... Уеду. Я понимаю.

– Едьте к нотариусу... Сейчас, – проговорил повеселевший Грохольский и пошел приказать запрягать лошадей.

На другой день, вечером, когда Лиза сидела на скамье, на которой обыкновенно происходили ее rendez-vous с Иваном Петровичем, к ней тихо подошел Грохольский. Он сел рядом и взял ее за руку.

– Тебе скучно, Лизочка? – заговорил он после непродолжительного молчания. – Ты скучаешь? Отчего это мы не съездим куда-нибудь? Чего ради мы всё дома сидим? Надо ездить, веселиться, знакомиться... Ведь надо?

– Мне ничего не надо, – сказала Лиза и, бледная, худая, поглядела на ту дорожку, по которой приходил к ней Бугров.

Грохольский задумался. Он знал, кого она ждет и кого ей надо.

– Пойдем, Лиза, домой, – сказал он. – Здесь сыро...

– Иди... Я сейчас приду.

Грохольский опять задумался.

– Ты его ждешь? – спросил он и сделал гримасу, точно его схватили за сердце раскаленными щипцами.

– Да... Мне хочется Мише чулочки передать...

– Он не придет.

– Почем ты знаешь?

– Он уехал...

Лиза сделала большие глаза...

– Он уехал... Уехал в Черниговскую губернию. Я подарил ему свое имение...

Лиза страшно побледнела и, чтобы не упасть, ухватилась за плечо Грохольского.

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

– Я проводил его на пароход... В три часа...

Лиза вдруг схватила себя за голову, задвигалась и, упав на скамью, затряслась всеми членами.

– Ваня! – заголосила она. – Ваня! И я еду, Ваня!.. Голубчик!

С ней приключился истерический припадок...

И с этого вечера вплоть до самого июля по саду, в котором гуляли дачники, можно было видеть две тени. Тени ходили с утра до вечера и наводили на дачников уныние. За тенью Лизы неотступно шагала тень Грохольского. Я называю их тенями, потому что они оба потеряли свой прежний образ.

Они похудели, побледнели, съжились и напоминали собой скорее тени, чем живых людей... Оба чахли, как блоха в классическом анекдоте об еврее, продающем порошки от блох.

В начале июля Лиза бежала от Грохольского, оставив записку, в которой она написала, что едет к «сыну» на время... На время! Бежала она ночью, когда спал Грохольский...

Прочитав ее письмо, Грохольский целую неделю слонялся вокруг дачи как безумный, не ел, не спал. В августе он перенес возвратный тиф, а в сентябре укатил за границу. За границей он запил. В вине и разврате думал он найти успокоение. Промотал он всё свое состояние, но не удалось ему, бедняге, выкинуть из головы образ любимой женщины с кошачьей мордочкой... От счастья не умирают, не умирают и от несчастья. Грохольский поседел, но не умер. Он жив и до сих пор... Из-за границы поехал он поглядеть «одним глазком» на Лизу. Бугров встретил его с распростертыми объятиями и оставил его гостить у себя на неопределенное время. Гостит он у Бугрова и до сих пор...

В этом году мне пришлось проезжать через Грохоловку, имение Бугрова. Хозяев я застал ужинавшими... Иван Петрович ужасно обрадовался мне и принялся угощать меня. Он потолстел и чуточку обрюзг. Лицо его по-прежнему сыто, лоснится и розово. Плечи еще нет. Лиза тоже потолстела. Полнота ей не к лицу. Ее личико начинает терять кошачий образ и, увы! приближается к тюленьему. Ее щеки полнеют и вверх, и вперед, и в стороны. Живут Бугровы превосходно. Всего у них много. Прислуги и съестного полнехонький дом...

Когда мы поужинали, завязалась беседа. Я, забыв, что Лиза не играет, попросил ее сыграть что-нибудь на рояле.

– Она не играет! – сказал Бугров. – Она у меня не игрок... Эй! Кто там? Иван! Позови-ка сюда Григория Васильича! Что он там делает? – И, обратясь ко мне, Бугров добавил: – Сейчас придет игрок... На гитаре играет. А рояль мы для Мишутки держим, его учим...

Минут через пять в залу вошел Грохольский, заспанный, нечесанный, небритый... Он вошел, поклонился мне и сел в сторонке.

– Ну, кто же так рано ложится спать? – обратился к нему Бугров. – Какой же ты, братец! Всё спит, всё спит... Соня! Ну, сыграй-ка нам повеселее что-нибудь...

Грохольский настроил гитару, ударил по струнам и запел:

Вчера ожидала я друга...

Я слушал пение, глядел на сытую физиомордию Бугрова и думал: «Паскудная рожа!» Мне захотелось плакать... Окончив пение, Грохольский поклонился нами вышел...

– И что мне с ним делать? – обратился ко мне, по уходе его, Бугров. – Беда мне с ним! Днем всё думает, думает... а ночью стонет. Спит, а сам стонет и охает... Болезнь какая-то... Что мне с ним делать, ума не приложу! Спать не дает... Боюсь, чтоб не помешался. Подумают, что ему плохо у меня жить... а чем плохо? И ест с нами и пьет с нами... Денег только не даем... Дай ему, а он их пропьет или разбросает... Вот еще попута на мою голову! Господи, прости меня грешного!

Живой товар. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Меня оставили ночевать. Когда я проснулся на другой день утром, в соседней комнате Бугров читал кому-то нотацию:

– Заставь дурандаса богу молиться, а он и лоб разобьет! Ну, кто весла зеленой краской красит? Подумай ты, голова! Рассуди! Чего же молчишь?

– Я... я... ошибся... – оправдывался сиплый тенор...

Этот тенор принадлежал Грохольскому...

На вокзал провожал меня Грохольский...

– Он деспот, тиран, – шептал он мне всю дорогу. – Он благородный человек, но тиран! У него не развиты ни сердце, ни мозг... Мучает! Коли б не эта благородная женщина, я давно бы ушел от него... Мне ее жаль оставлять. Обоим терпеть как-то лучше.

Грохольский вздохнул и продолжал:

– Она беременна... Вы видели? Это, в сущности, мой ребенок... Мой-с... Она скоро сознала свою ошибку и опять отдалась мне. Она его терпеть не может...

– Тряпка вы! – не воздержался я, чтобы не сказать Грохольскому.

– Да, я слабохарактерный человек... Всё это верно. Уродился таким. Вы знаете, как я произошел? Мой покойный папаша сильно угнетал одного маленького чиновничка. Страсть как угнетал! Жизнь ему отравлял! Ну-с... А мамаша покойница была сердобольная, из народа она была, мещаночка... Из жалости взяла и приблизила к себе этого чиновничка... Ну-с... Я и произошел... От угнетенного... Где же тут характеру взяться? Откуда? Второй звонок, однако... Прощайте! Заезжайте еще к нам, да не говорите Ивану Петровичу того, что я о нем вам говорил!

Я пожал Грохольскому руку и вскочил в вагон. Он поклонился моему вагону и пошел к кадушке с водой. Пить, знать, захотелось...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!